

ЖИВИТЕЛЬНОЕ МОЛОКО НА ПРАЗДНИКАХ ЛЕТНЕГО И ЗИМНЕГО СОЛНЦЕСТОЯНИЯ

ЯНИНА КУРСИТЕ

(Рига. Латвийский университет)

Научные интересы Маргариты Ивановны Лекомцевой, как мы знаем, не ограничивались только лингвистикой. В сфере ее пристального внимания было изобразительное искусство, кино, литература и фольклор. В том числе — латышская литература (поэзия) и фольклор. На примере стихотворений латышского поэта XX в. Ояра Вацietиса (1933–1983) М. И. Лекомцева изучала особенности латышских личных местоимений в поэтическом языке [Лекомцева 2007: 406–408]. Совместно с латышским стиховедом Андой Кубулиней опубликовано исследование мифологии молока в «Поэме о молоке» Иманта Зиедониса [Kubuliņa, Ļekomceva 1984: 224–229]. Несколько работ М. И. Лекомцевой посвящены семиотическому анализу латышских заговоров [Лекомцева 1993: 212–226; Лекомцева 1995: 105–120].

Поэт Имантс Зиедонис (1933–2013) в своем поэтическом творчестве неоднократно обращался к латышскому фольклору, но и к фольклорным истокам других народов. В уже упомянутой «Поэме о молоке» (1977) им актуализированы индоевропейский мифологический пласт молока, меда, коровы, Млечного пути и соединяющего всех общего начала — образ матери: «В своей глубинной основе это — путешествие по Млечному пути в поисках молока, молочной реки, молочных законов, гармонии» [Kubuliņa, Ļekomceva 1984: 228].

Угощение молоком. Следуя по пути, намеченному исследованием М. И. Лекомцевой и А. Кубулини, попробуем углубиться в прошлое, рассмотрев основные составляющие символики молока во время летнего и зимнего солнцестояния. Латышский фольклор хранит воспоминание о начальных этапах скотоводства и о тех временах, когда коровье молоко (а также его производные — масло, сыр) было одним из главных составных частей питания, но и служило сакральной едой во время инициаций и сезонных празднеств. Молоко наряду с сыром являлось у латышей основным компонентом ритуального угощения во время празднования Янова (или Иванова) дня (Jāņa diena). Если хозяйка, традиционно называемая Яновой матерью (Jāņa māte), не скупилась, гости желали ее дому много молока и сыра, а также увеличения стада коров и овец:

Dod, māmiņa, sieru, pienu	Угости, мамочка, сыром и молоком
Rašā Jāņa vakarā,	В самый вечер Яного праздника,
Lai aug govīs raibaļiņas,	Чтобы росли коровы пеструшки,
Lai aug baltas avitiņas.	Чтобы росли белые овечки

[LD 32749]

Просьба угостить молоком и сыром часто сопровождалась своего рода ритуальной агрессией, выраженной в словесной формуле, состоящей из (а) настоятельной просьбы угостить; (б) угрозы навредить, если угощение со стороны хозяев не будет предложено или будет недостаточным:

Dodiet man siera, piena	Дайте мне сыра, молока
Rašā Jāņa vakarā!	В самый вечер Янова праздника!
Nedosiet siera, piena,	Если не дадите сыра, молока,
Iešu, pļavas izvāļāšu,	Пойду и растопчу луга,
Iešu, pļavas izvāļāšu,	Пойду и растопчу луга,
Akmentiņu piesvaidīšu.	Побросаю камней

[LD 32753]

Угрозы касаются или порчи лугов, где пасутся коровы, или самих коров. Самыми желанными и, по-видимому, молочными у латышей некогда считались пестрые коровы. Другие, в том числе темно-бурые, ценились гораздо ниже и были нежелательны в стаде:

Māte māte, siera, piena,	Янова мать, дай сыра и молока,
Lai aug govīs raibaļiņas!	Чтобы росли пеструшки!
Ja nedosi siera, piena	Если не дашь сыра, молока,
Tad augs tādas dūmaļiņas.	Вырастут только буренки

[LD 32789]

В свое время этолог Конрад Лоренц писал о ритуальной переориентации агрессии у животных, но и у людей [Лоренц 1994]. Вместо того, чтобы при встрече отнять что-либо желаемое у другого, с ним затевается ритуальный поединок. Праздник Янова дня как раз и был подходящим временем для того, чтобы сгладить накопившейся за год обиды между соседями. Вербально агрессивное требование угостить и ответ — само угощение — служило прекрасным стимулом для возобновления хороших отношений. Здесь был важен не только сам ритуал, но и молоко, сыр как субстанции, способствующие умиротворению.

Сглаз молока. Во время праздника летнего солнцестояния опасались сглаза коровьева молока. Считалось, что именно в Янову ночь ведьмы тайком выдаивают молоко у чужих коров. По-видимому, верили, что количество общего молока константно. Получить для себя больше можно только уменьшив количество молока у чужих (чаще всего соседних) коров. Опасаясь ведьм, на Янов день коров старались подольше продержать в хлеву:

Jāņos govu neslauciet,	На Янов день коров не доите,
Ganos agri nedzeniet:	На пастбище рано не выгоняйте:
Sēd ragana krūmiņos	Сидит ведьма в кустах
Ar sudraba slauktuvīti.	С серебряным подойником.

[LD 32482]

Неожиданный эпитет (серебряный) по отношению к подойнику ведьмы кажется таковым только на первый взгляд. Вливание и сохранение в подойнике сакрального праздничного напитка молока ассоциирует его с рядом других волшебных сосудов — хранилищ живительной влаги. Кто соберет побольше молока в переходное время для себя и своей семьи, тот и запасется большей жизненной силой («серебрянностью»).

Каждая из хозяек на Янов день являлась потенциальной ведьмой, готовой увеличить удои своих коров за счет молока чужих:

11622. Вечером Янова дня собирает ветки деревьев со всеми листьями. После захода солнца связывает 9 веток так, чтобы получился веник. При восходе солнца ходит по пастбищу соседей, сметает росу в подойник, потом примешивает собранную росу в еду своим коровам и приговаривает: «Ой <... > милая Мара, приходи в мой загон! Три речки втекли в ноздри моих коров, одна с моря, другая с реки Венты, а третья с коров моих соседей. Из рогов в вымя, из вымени в мой подойник! Белое молоко, густую сметану, желтое масло дай моим коровам!» [ЛТТ].

У латышей, так же как у славян [Славянские древности 2004: 285], роса считалась магическим средством, влияющим на молочность коров. Поэтому не удивительно, что во многих «ведьминских» купальских ритуалах собиранию росы с полей отводилась важная роль. Во время Янова дня и ночи защищали свое коровье стадо разными, в том числе, магическими способами (заговорами, втыканием острых растений или предметов около дверей хлева и т. п.). Богиня Мара считалась как защитницей женщин, так и коров, поэтому к ней обращались с мольбами и с богатыми жертвованиями.

Живительное молоко. Как во время летнего (Jāņi), так и зимнего (Ziemassvētki) солнцестояния латышами исполнялись песни, состоящие из вереницы вопросов и ответов. Данные тексты построены по единому принципу. Некто неназванный задает вопросы мыши. Мышь, выполняющая роль медиатора между миром

живых и мертвых, отвечает на них. С риском для собственной жизни во время солнцестояния она побывала в подземелье. Вопросы и ответы в основном касаются того, как мышь выжила:

< ... >

Kā tev' tur nenosita? Kolidū, kolidū!
 – Es iebēgu aliņā. Kolidū, kolidū!
 Kā tu tur nenosali? Kolidū, kolidū!
 – Sasakūru kaula guni. Kolidū, kolidū!
 Kā tu tur nesadegi? Kolidū, kolidū!
 – Sasapraužu adatās. Kolidū, kolidū!
 Kā tev tas nesāpēja? Kolidū, kolidū!
 – Sasmērēju vecu sviestu. Kolidū, kolidū!
 Kur tu jēmi vecu sviestu? Kolidū, kolidū!
 – Vecasmātes tīnītē. Kolidū, kolidū!
 Kur tā jēme, vecamāte? Kolidū, kolidū!
 – Raibas govs cicīti. Kolidū, kolidū!
 Kur tā jēme, raiba govs? Kolidū, kolidū!
 – Zaļas zāles galiņā. Kolidū, kolidū!
 Kur palika zaļa zāle? Kolidū, kolidū!
 – To noēda Dieva zirgi. Kolidū, kolidū!
 Kur palika Dieva zirgi? Kolidū, kolidū!
 – Tos aizjāja Dieva dēli. Kolidū, kolidū!
 Kur palika Dieva dēli? Kolidū, kolidū!
 – Tie uzkāpa debesīs. Kolidū, kolidū!
 Tie uzkāpa debesīs Kolidū, kolidū!
 Pa sudraba trepītēm. Kolidū, kolidū!
 [LD 33494]

< ... >

Как тебя там не убили?
 – Я спряталась в пещере.
 Как ты там не замерзла?
 – Зажгла там костер.
 Как ты там не сторела?
 – Воткнула в себя иголки.
 Разве не было больно?
 – Намазалась годовальным маслом.
 Где ты достала годовалое масло?
 – В ларце бабушки.
 Где достала бабушка?
 – В вымени пеструшки коровы.
 Где достала пеструшка?
 – В зеленой траве.
 Что стало с зеленой травой?
 – Ее съели кони Бога.
 Что стало с конями Бога?
 – На них ускакали сыновья Бога.
 Что стало с сыновьями Бога?
 – Они поднялись на небо.
 Они поднялись на небо
 По серебряной лестнице.

Каждая из строчек оканчивается традиционным рождественским припевом (kolidū, kolidū!). В песнях, относящихся к летнему солнцестоянию, имеется другой припев (līgo! или rutadi rutadi!). Все они символизируют космизирующее движение. Подземелье (пещера или место под корнями космического дерева) в данном случае выступает как эквивалент потустороннего мира. Летнее и зимнее солнцестояние — это время, когда мир возвращается в первоначальный хаос. Чтобы произошло восстановление кос-

моса, кто-то должен спуститься в подземелье и принести оттуда зародыш новой жизни. Под сыновьями Бога (Dieva dēli), которые по окончании ритуального действия поднимаются на небо по серебряной лестнице, подразумеваются сезонные, или умирающие и воскресающие боги. В астрономическом коде им соответствовала планета Венера, которую латыши представляли в виде двух — Утренней и Вечерей звезды.

В текстах данного типа прямо упоминаются в основном только производные молока — масло и сладкая сметана. Само слово молоко находится как бы под запретом, хотя по контексту ясно, чтомышь выживает благодаря волшебной корове с ее чудодейственным молоком. Словосочетание «vesamāte» в латышском может обозначать как бабушку, так и любую другую старую женщину (в том числе, и жрицу), но может быть употреблено в качестве слова-заместителя и для богини Мары, тем более что в других вариантах Мара упоминается прямо:

Где ты брала восковое масло?
 – В ларце милой Мары.
 Где брала милая Мара?
 – В вымени коровы пеструшки <...>
 [LD 33494,6]

В некоторых текстах все же находим и прямое упоминание молока, характеризуемого как сладкого:

Kur tecēsi, tu pelīte? Līgo līgo!	Куда спешишь, мышка?
– Teku pirti kurinātu. Līgo līgo!	– Спешу баню растопить.
Kā tu dūmos nenoslāpi? Līgo līgo!	Как ты не задохнулась дымом?
– Es palīdu pa zemīti. Līgo līgo!	– Заползла в подземелье.
Ko tu ēdi pa zemīti? Līgo līgo!	Что ты ела в подземелье?
– Sīkus olu akmentiņus. Līgo līgo!	– Мелкие круглые камешки.
Kā tev sirdi nenospieda? Līgo līgo!	Как они тебя не задавили?
– Es uzdzēru saldu pienu. Līgo līgo!	– Я выпила сладкого молока.
Kur dabūji saldu pienu? Līgo līgo!	Где ты достала сладкого молока?
– Svētas Māras laidarā, Līgo līgo!	– В загоне святой Мары,
Svētas Māras laidarā, Līgo līgo!	В загоне святой Мары,
Raibas goves pupiņā. Līgo līgo!	В вымени коровы пеструшки.

[LD 33494,7]

Ларец, загон или комнатка Мары в данном случае символизируют волшебное хранилище, откуда в критическое время солнцеворота черпается жизненная субстанция в виде молока или масла.

Корова в переходных ритуалах. Мышь выживает в подземелье благодаря тому, что пьет молоко и/или смазывает себя защитным слоем масла или сметаны. Вместилище волшебного молока находится в вымени коровы. Хотя в основном корова связана с землей и богиней Марой, ведающей земными делами, в сезонных переходах она может приобрести облик небесной коровы или коровы подземелья. Как в одной, так и в другой ипостасях она ведает верхними (=дождь) или подземными (=родник) водами. Она — как бы *prima materia*, включающая в себе все необходимое для возобновления космоса. Мышь, которая под Рождество или Янов день попадает в мир подземелья, выживает благодаря корове. Некто любопытствует, откуда же у пеструшки коровы такое волшебное молоко:

< ... > – Rīta zāles rasiņāi. rutadi rutadi!	< ... > – В росе утренней травы.
Kur ta ņēma rīta rasa? rutadi rutadi!	Откуда у росы такое?
– No debeša lietiņš lija. rutadi rutadi!	– С небес дождь пошел.
Kur ta ņēma debess lietu? rutadi rutadi!	Откуда небеса его взяли?
– No ezera riksna dzēra. rutadi rutadi!	– С озера радуга пила.
Kur ta ņēma ezeriņš? rutadi rutadi!	Откуда у озера такое?
– No avota iztecēja. rutadi rutadi!	– С родника вытекло

[LD 33494,6]

Дождь изоморфен молоку небесных коров — туч. Волшебная радуга не только берет, но и отдает влагу. В длинной цепи превращений корова, а точнее — вымя коровы — является волшебным сосудом живительной влаги. Пестрая корова — это черно-белая корова, символически означающая соединение земного (=черный) и небесного (=белый) уровней. Типологически ее можно сравнить с Сура́бхи — чудесной коровой в индуистской мифологии, возникшей во время пахтанья Молочного океана. В образе и мифологических сюжетах Сурабхи отразилось почитание коровы, возникшее в древнюю пастушескую эпоху, когда коровье молоко и его продукты у индоевропейцев были важным источником пищи. Культ коровы, а заодно и ее покровительницы, богини Мары, иногда показывающейся людям в облике коровы, отмечен и в латышских фольклорных представлениях.

Красть — плохо или хорошо? Почти во всех поэтических текстах, относящихся к летнему или зимнему солнцестоянию, участвующая в них мышь по сути является воровкой. Она приносит тайком из подземелья добытое зерно, горох, бобы или другое добро, делясь полученным с людьми:

Tec, pelīte, ziērņu zogtu, kaļadu kaļadu!	Спеши, мышка, горох красти!
Atnes maņ pīzaguse, kaļadu kaļadu!	Принеси мне украденное!
Vīnu pupu, ūtru ziērņu, kaļadu kaļadu!	Принеси бобов, принеси горох!
Trešu seika sudrabiņa, kaļadu kaļadu!	Принеси серебро!

[Tdz 54584,5]

В мифологических представлениях кража довольно часто приравнена акту творения, а вор — демиургу. В латышских этиологических сказках Дьяволу (Velns) принадлежат камни. Бог таких не имеет, поэтому «однажды, пока Дьявол спал, Бог украл один камень и спрятал его под можжевельником. Из этого одного камня у Бога под каждым можжевельником выросло по камню» [ЛГТР, 126]. Согласно другому мифологическому сюжету, Дьявол имеет огонь. Бог посылает разных зверей, птиц и насекомых украсть у Дьявола огонь. Самими искусными ворами оказываются ласточка и паук, за что и получают они от Бога награду [ЛГТР, 178–179; 180–181; 184]. Кража как эпизод космогонии или антропогонии довольно часто присутствует и в мифах других индоевропейских народов. В древнегреческой мифологии Прометей крадет огонь у Гефеста, чтобы дарить его людям; Геракл крадет у Гериона его стадо.

Несколько сюжетов, в основе которых лежит кража, связано и с коровой Сурабхи в индуистской мифологии. В одном из них жена одного из восьми богов природы Васу уговаривает мужа украсть Сурабхи. Кража совершается, но после раскрытия ее, Васиштха — сын бога Брахмы — налагает на всех Васу проклятие, согласно которому они должны родиться в мире людей уже не как бессмертные, а как простые смертные.

Мышка, фигурирующая в латышских сезонных мифологических текстах как удачливая воровка, является не только медиатором между мирами, но и своего рода культурным героем, добывающим жизненно важную для людей пищу и «серебро», символизирующее обновленный божественный свет.

Мышь, согласно народным верованиям, это и душа человека, во время летнего и зимнего солнцестояния тайком пускающаяся в опасный путь подземелья — в потусторонний мир, мир прошлого. Из прошлого берется живое зерно, необходимое для дальнейшего существования. Сладкое молоко чудесной коровы дает силы выжить и вытерпеть невозможные утраты, встреча-

ющиеся на пути каждого живого существа. В латышской традиции два раза в год (летом и зимой) предпринималось путешествие вглубь себя и вглубь мира, чтобы «украсть» кусочек светлого прошлого и часть из него сохранить в виде крепкого залога для будущего.

Данная статья приобрела — случайно или неслучайно — свою форму именно во время зимнего солнцестояния. По следам исследования Маргариты Ивановны Лекомцевой и А. Кубулини о мифологеме молока в поэзии И. Зиедониса автором статьи было предпринято путешествие «по Молочному пути» латышских народных песен (дайн), приуроченных к Янову дню и к Рождеству. Взгляд в прошлое, «вглубь подземелья» помог оживить светлый образ ушедшей коллеги Маргариты Ивановны Лекомцевой. Оживил ее доброту, глубокую порядочность во всем. Светлый юмор с толикой грусти на ее лице. Самоотверженную попытку уяснить устройство языка балто-балканского, балтославянского и просто славянского ареала, от фонологических до мифологических его проявлений и тонкостей. За это все мы Маргарите Ивановне бесконечно благодарны.

Список сокращений

LD: Latvju dainas. Jelgava, Pēterburga: 1894–1915, 1. — 6.sēj. /*Латышские даины*/.

ЛТПР: Latviešu tautas teikas un pasakas. Waverly, Iowa: Latvju Grāmata, 1969, 13.sēj. /*Латышские предания и сказки*/.

ЛТТ: Latviešu tautas ticējumi. Rīga: LFK izdevums, 1940–1941, 1. — 4.sēj. /*Латышские народные поверья*/.

Tdz: Tautas dziesmas. Rīga: Latviešu Folkloras Krātuves izdevums, 1936–1939, 1. — 4.sēj. /*Народные песни*/.

Литература

Kubuliņa, Ļekomceva 1984 — *Kubuliņa A., Ļekomceva M. Piena mitologēma Imanta Ziedoņa "Poēmā par pienu" // Kritikas gadagrāmata. Rīga, 1984 / Мифологема молока в «Поэме о молоке» Иманта Зиедониса/.*

Лекомцева 2007 — *Лекомцева М. И. Устройство языка. Сборник трудов. М., 2007.*

Лекомцева 1995 — *Лекомцева М. И. Семиотический анализ латышских заговоров каббалистической традиции // Малые формы фольклора. М., 1995. С. 105–120.*

Лекомцева 1993 — *Лекомцева М. И. Семиотический анализ одной инновации в латышских заговорах // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. М., 1993. С. 212–226.*

Лоренц 1994 — *Лоренц К. Агрессия. М., 1994.*

Славянские древности 2004 — *Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. М., 2004. Т. 3.*